

МИР 80-х

Писатель о ближневосточной трагедии ■ Испан

ОГОНЬ НА ГОРЕ ТРЕВОГИ

В ИСТОРИИ нашего двадцатого века много славных и позорных, доблестных и постыдных страниц. Одна из самых мрачных — война на Ближнем Востоке. Как долго уже полыхает ее костер! Как ловко греют возле него руки империалисты и израильские агрессоры! Для них Ближний Восток — карта, которую они хотели бы кроить по своему усмотрению. А миролюбивое словоблудие Кэмп-Дэвида должно убаюкать, усыпить народы, заставить их свыкнуться с мыслью, что оккупация и захват чужих земель — в порядке вещей. Но можно ли заключенного заставить примириться с тюремной решеткой и кандалами?

Каждый раз, побывав в арабских странах, я думаю об этом, ввозя с собой груз впечатлений. Для меня Ближний Восток — открытая рана, растоптанная справедливость, крик о помощи.

«Тревожно у нас», — эти слова я услышал еще по пути в Дамаск. Их произнес сирийский студент, возвращавшийся домой вместе с группой своих товарищей. Они учились в вузах Москвы и других советских городов и теперь были готовы отдать силы и знания своему народу, может быть, в тот самый час, когда их помощь так нужна.

А я вдруг вспомнил гору Ахул Гох у нас в Дагестане, Гору Тревоги. Когда шел враг, на ней зажигали огни. И, увидев этот сигнал опасности и тревоги, люди спешили на помощь.

Разве сейчас на нашей планете Ближний Восток не та же Гора Тревоги? К нему устремлены настороженные взоры людей. Что бы ни случилось в сегодняшнем мире, где бы ни гремел гром, дождь и град падают на всех. А это не просто разгул стихии; который уж год грохочет гроза войны и смерти.

Я ехал по приглашению писателей, людей одной из самых мирных профессий, чей плуг — перо, чье поле — бумага. Здесь они сеют семена добра и правды. Настоящая литература не может стоять в стороне от борьбы за справедливость. И неудивительно, что

многие арабские литераторы, с которыми я встречался, — активные борцы. А я горд тем, что представлял Советский комитет солидарности стран Азии и Африки. Арабские народы смотрят на Советский Союз с надеждой, как на верного друга. Сolidарность — крепкое звено в цепи наших отношений. А в ней много и других звеньев: экономика, торговля, наука, искусство, общение людей.

Конечно, о каждой поездке можно написать длинный рассказ. Но сегодня — мысли о главном, о том, что тревожит душу.

В Японии я видел Хиросиму. Я не думал, что ее трагическая судьба повторится в городе Эль-Кунейтра, куда привезли меня сирийские друзья. Он разрушен дотла израильскими оккупантами. Разрушены не только дома, но даже кладбища, мечети и церкви. Какое кошунство!

Говорят, что воды Иордана священы, что они могут смыть любой грех. Но хватит ли воды в этой реке, чтобы смыть деяния тех, кто захватил и хочет удержать палестинские земли, изгоняя из родных мест коренных жителей?

Прости, но я не узнал тебя, Бейрут. Что произошло с тобой за те годы, когда мы не делились? Сколько разоренных гнезд, сколько разрушенных домов! Как не похож ты на тот город, где мы, поэты, читали когда-то стихи на конференции писателей Азии и Африки, где проходили литературные вечера! Уже нет в живых Камала Джумблата, гостеприимного хозяина встречи, лидера прогрессивно-социалистической партии. Он пал жертвой междоусобицы. Город вечных тревог, город, разделенный на враждующие зоны, таким я нашел тебя сейчас! И до тебя докатился смерч ближневосточного конфликта, израильской агрессии.

В Ливане я был в лагерях палестинских беженцев. Я видел печаль, гнев, слезы на ли-

цах женщин и мужчин. Многие из них потеряли родителей, братьев, сестер, детей. Это тяжелые потери. Но что можно сравнить с утратой родины? Это невыносимо. С этим нельзя примириться. Родина — не просто земля, пальмы, цветы, реки. Это — плоть и кровь, душа и сердце.

В горах Дагестана самым жестоким наказанием было отнять у матери колыбель. Дети не могут уснуть без своей люльки. Мне плохо спится даже в командировках вдали от Родины. А каково народу, у которого отнимают его колыбель-родину? Могут ли оставаться спокойными сирийцы, когда у них захватывают Голанские высоты, когда ты не можешь побывать даже гостем на пороге собственного дома? Может ли быть большей несправедливости?

Непримиримость, готовность до конца отстаивать свое право дело — вот что я читал на лицах людей. В переполненном палестинском госпитале, где скопилось много раненых, пострадавших во время израильских налетов, я спросил у одного из них, как он себя чувствует. Его мучила нестерпимая боль, но он сказал: «Кто потерял коня, по плетке не плачет. Что значит моя боль в сравнении с болью народа? Что значат мои раны по сравнению с ранами Палестины? Пусть я никогда не увижу расвета, но солнце свободы все равно взойдет над моей родиной!»

Когда мы говорим о будущем, мы смотрим в глаза детей. Посмеют ли взглянуть в глаза палестинских мальчишек и девчонок стратеги из Вашингтона и Тель-Авива? Я побывал на уроке рисования в палестинской школе, где учатся дети, чьи родители погибли. Многие не помнят даже лиц своих близких. Но маленькие художники придумывают их. В своих рисунках они создают и образ родины.

Часто я слышал одну и ту же песню. Ее пели и дети в

школе, и взрослые на вечере, куда я был приглашен председателем Исполкома Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом. Это была песня о возвращении домой.

Ветер насилия и разрушения, лжи и обмана унес с родной земли «ветку Палестины», о которой писал Лермонтов, разбросал ее листья. Но никакому ветру не вырвать корни дерева надежды и веры. У палестинцев есть все, чтобы создать свое национальное самостоятельное государство. Это — талантливый, храбрый народ. У него большая историческая судьба. У палестинцев прекрасные поэты, образованные врачи, учителя. По уровню грамотности они занимают одно из первых мест в арабском мире. На их стороне поддержка арабских народов, всех прогрессивных сил. Они не сломлены. Даже при бомбежках учатся дети, играют свадьбы. Я был на одной из этих свадеб, присутствовал при рождении новой палестинской семьи, ячейки палестинского общества. И не случайно там был провозглашен тост за будущее Палестины, за дружбу палестинского народа с советским народом, со всеми народами мира.

Горцы говорят: «Что надо сделать, чтобы в мире было хорошо? Не делать другим того, что не нравится тебе самому». Почему же Израиль так упорно держится за территориальные захваты? Почему два народа одной земли — палестинский и израильский не могут жить в мире и дружбе? Ведь всем хватит места, как звездам в небе, как волнам в море.

Наш просвещенный XX век, что оставит он на Ближнем Востоке детям арабов и израильтян? Вечную вражду вместо дружбы и добрососедства? Думали ли над этим те, кто подписывал кэмп-дэвидские соглашения? Те, кто прибегает к вето при осуждении дела о захвате Голанских высот? Те, кто вкладывает оружие в ру-

ки агрессора? Те, кто в чужом доме хочет распоряжаться, как в своем собственном?

Нет ничего странного в том, что насилие вызвало протест. Крепнет Палестинское движение сопротивления. Действует Национальный фронт стойкости и противодействия. Мне по душе эти слова — стойкость и противодействие. Они точно отражают настроения арабских масс.

Я встречался с простыми египтянами, они не на стороне Кэмп-Дэвида. Я не говорю уже о позиции большинства арабских стран, отвергших сепаратные сделки с агрессором.

Конечно, в рядах арабов есть трения, трудности, ошибки, заблуждения, но опыт жизни учит их еще выше понимать знамя стойкости. И я не знаю ни одного арабского поэта или писателя, ни одной песни на службе у неокOLONизаторов и империалистов. Поэзия и музыка — совесть человечества — на стороне справедливости, на стороне правого дела.

...Недавно у меня в гостях был кубинский литератор Элисео Диго. Он спешил домой. «Тревожно становится у нас на Кубе, — сказал он, — тревожно». Тревожно в Персидском заливе, в Сальвадоре, в Юго-Восточной Азии. Непокойно на нашей планете. Противники мира делают все, чтобы не садиться за стол переговоров. Они хотели бы диктовать свою волю. Создается впечатление, что они написали сценарий, как должен быть устроен мир, а все должны выполнять его, как статисты.

Горцы говорят: «Если у тебя есть кинжал, не думай, что у других его нет». Но лучшее место кинжала в ножнах. Орудия смерти — место на свалке истории, если нельзя использовать их на радость людям, подобно тому, как вьетнамские юноши из разбитых американских самолетов делали кольца для своих любимых.

Но откуда этого нет, я не устану зажигать огонь на Горе Тревоги.

Расул ГАМЗАТОВ.

Заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.